

ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

5

НОВЫЙ МИР

2001

5

2001

СОДЕРЖАНИЕ

ОЛЕСЯ НИКОЛАЕВА — Ничего лишнего, стихи	7
ГАЛИНА ЩЕРБАКОВА — Мальчик и девочка, роман	13
АЛЕКСЕЙ АЛЕХИН — ...И шагну в пустоту, стихи	74
МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ — Гостиница «Океан», короткая повесть	77
ТАТЬЯНА ВОЛЬТСКАЯ — В потоке ветвей, стихи	92
БОРИС ЕКИМОВ — Прошлым летом, рассказы	96
ИВАН АХМЕТЬЕВ — Вот до чего дожил, стихи	115

ОПЫТЫ

ОЛЬГА ШАМБОРАНТ — Срок годности	118
---------------------------------	-----

МИР НАУКИ

ВЛАДИМИР ЛОПАТИН — Русская орфография: задачи корректировки	136
БОРИС РАУШЕНБАХ — Из книги «Праздные мысли». Литературная запись Инны Сергеевой	147

ПИСЬМА ИЗДАЛЕКА

ВЛАДИМИР ОШЕРОВ — После Клинтон	161
---------------------------------	-----

ПОЛЕМИКА

НИКИТА ЕЛИСЕЕВ — Красота дьявола. По поводу литературных очерков Владимира Бондаренко	167
---	-----

ПРЕМИЯ

А. СОЛЖЕНИЦЫН — Слово при вручении литературной премии Константину Воробьёву и Евгению Носову 25 апреля 2001 г.	179
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

МЕЙНСТРИМ И МЫ. Спор двух петербургских восьми(девяти?)десятников. Сергей Завьялов. Оправдание поэзии; Валерий Шубинский. Кофий императрицы	183
---	-----

(См. на обороте)

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Алла Марченко. В начале жизни школу помню я	195
Виктор Мясников. И слово всегда буде(и)т мысль	200
Владимир Губайловский. Отрицаая Платона	203
Евгения Свитнева. Феерии и наваждения	206

КНИЖНАЯ ПОЛКА КИРИЛЛА КОБРИНА	209
ЗАРУБЕЖНАЯ КНИГА О РОССИИ	216
КИНООБОЗРЕНИЕ ДМИТРИЯ БЫКОВА	217
WWW-ОБОЗРЕНИЕ СЕРГЕЯ КОСТЫРКО	221

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

КНИГИ (составитель Сергей Костырко)	226
ПЕРИОДИКА (составитель Андрей Василевский)	228
SUMMARY	240

**РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР»
ВЫДВИНУЛА КАНДИДАТУРУ
АЛЕКСАНДРА КУШНЕРА
НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПУШКИНСКОЙ ПРЕМИИ 2001 ГОДА.**

**ПОЗДРАВЛЯЕМ
ЕВГЕНИЯ НОСОВА
С ПРИСУЖДЕНИЕМ ЕМУ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА
ЗА 2001 ГОД!**

Слово Александра Солженицына при вручении премии Евгению Носову см. в настоящем номере «Нового мира».

Из общего тиража каждого номера Институт «Открытое общество» в рамках мегапроекта «Пушкинская библиотека» выкупает и безвозмездно направляет в сельские библиотеки России 1700 экземпляров журнала «Новый мир».

Из общего тиража каждого номера Министерство культуры Российской Федерации при посредничестве Российской Государственной библиотеки выкупает и безвозмездно направляет в библиотеки России 1000 экземпляров журнала «Новый мир».

Издание выходит при финансовой поддержке Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

П Р Е М И Я

А. СОЛЖЕНИЦЫН

СЛОВО ПРИ ВРУЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ КОНСТАНТИНУ ВОРОБЬЁВУ И ЕВГЕНИЮ НОСОВУ

25 апреля 2001 г.

Чрез жизни и литературные труды Константина Воробьёва и Евгения Носова, уроженцев Курской земли и невдали друг от друга, — Великая война пролегла несмываемыми, многопоследственными полосами.

У Носова в «Усвятских шлемоносцах» — эпическое озарение: первый зов и сплошной уход крестьянского народа на войну — с той покорностью и мужеством, с каким он уходил и уходил век за веком на столькие войны и войны. Ощутима эта неоспорная поступь и её былинный смысл. Это впечатление усиляется тем, что хотя в повести формально и даны черты колхозной жизни, но в какой-то расплывчатости, а проступает вечность мужика на земле, в своём родном краю и грозность предвоенного расставания с семьями, с детьми: сколько ли вернутся?

Тема переходит к Константину Воробьёву — ноябрьскими боями 41-го года под самой Москвой, которых он был участник, высокий момент грозности для всей страны, когда маячило едва ль не обрушение её. Только чтобы написать о тех днях — автору предстояла многолетняя выдержка: там-то, под Москвой, он попал в немецкий плен.

Это новое разящее, уму не представимое бытие, по сути грозившее в тот год любому воюющему, бытие, смертную жестокость которого нельзя было и близко вообразить тогдашней советской молодёжи, воспитанной в победных обещаниях, — врезалось в грудь молоденького лейтенанта по сути как тема всей его жизни. Захватило не только обречённое тело пленника-новичка, но в первые же недели и мысль его: этого никто у нас не представляет! об этом — непременно рассказать, если только выживу. Лагерь подо Ржевом: среди снежного поля он — тёмное прямоугольное пятно, оттого тёмное, что губами ползающих военнопленных «съеден с крошками земли холодный пух декабрьского снега» — чтоб утолить жажду: ведь им не привозят воды.

Дальше пленная судьба Воробьёва, прошедшего и другие лагеря, развивалась драматически: когда их повезли в Литву — на ходу поезда он вылез из окошка товарного вагона, повис на привязанной портянке — и спрыгнул. Товарищ ушибся насмерть, а Воробьёв повредил ногу. Схоронив товарища, он несколько дней бродил по литовским лесам, но потерянная подвижность обрекла его на новый, повторный плен. Теперь он узнаёт и страшные тюрьмы в Паневежисе и Шяуляе — смертники в камере «в одном исподнем белье сидели, тесно прижавшись один к другому. Глаза каждого казались дегтисто-чёрными: зёрна зрачков были неправдоподобно велики, распираемые предсмертным осмысленным ужасом»; и худо знаменитый Саласпилсский лагерь под Ригой, где, в косячке соснового леса, все сосны, сколько может дотянуться рука человека, обглоданы военнопленными от коры — а выше того на стволах кора осталась. — Наш автор находит мужество и умение бежать из этого лагеря и свыше года, до прихода советских войск, пробыл в лесных партизанах,

составленных из бежавших военнопленных и поддержанных из Москвы. За это время Воробьёв на месяц укрывался на конспиративной городской квартире — и в нервности не успеть и под ежедневной опасностью захвата, то, что называется «репортаж с петлёй на шее», — освободил душу от неразделённого бремени, написал повесть «Это мы, Господи!» — первую да и последнюю в советской литературе, о немецком плене — только бы наши узнали, знали об этой судьбе совсем ничтожной малости — пяти миллионов советских воинов! И написанное — зарыл в землю.

Однако советское *освобождение* несло бывшим советским пленникам новое недоверие и допросы. «С каким полуночным вниманием ящеров глядели на нас смершевцы, когда задавали вопросы, почему мы остались живы». В героическое сопротивление — у смершевцев не было веры. И Воробьёву, может быть, не удалось бы избежать лагеря, теперь уже советского, если б его следствие не шло в прямом соседстве с партизанскими местами и, значит, десятками свидетелей.

Но теперь-то, хоть по концу войны, мог он наконец рассказать соотечественникам, что такое был немецкий плен, о чём никто в Союзе не имел понятия? Свою повесть он послал в «Новый мир». Но она была, конечно, отстранена: власть победителей не хотела знать, кому и во сколько досталась Победа. Повесть отбросили — и этим «ударом в спину ножом», как назвал Воробьёв, он был ранен надолго, надолго — больше он не пытался печатать её до конца жизни — по полной безнадежности. Лишь два коротких его рассказа, связанные с пленом, много позже увидели свет — «Немец в валенках» и новеллистически отточенная «Уха без соли», — оба просвеченные человечностью. Да тема-то оставалась неисчерпаемой: а кто когда расскажет о жестокой борьбе между пленными за выживание на краю гибели, и сколько зла и низости обнажалось при этом? или об измождённых процессиях под конвоем — как пленных гонят за повозкой с трупами закапывать своих умерших? — «Это мы, Господи!» напечатали — лишь через 40 лет, уже в «перестройку».

А человеку, жаждущему правды, невозможно брести в реке лжи. Воробьёв читал и читал, что полилось в печати о фронте, о войне, — и приходил в ярость от перекажения, от облыгания. Даже честные публикации были искажены утайками и полуправдой. И при начале общественного оживления, в 60-х, Воробьёв написал две прямодушные повести о подмосковных боях — «Крик» и «Убиты под Москвой». В них мы найдём, при всём скоплении случайностей и неразберихи любого боя, и нашу полную растерянность 41-го года; и эту немецкую лёгкость, как, при лихом закатанных по локоть рукавах, секли превосходными автоматами от живота по красноармейцам; и тупость неподготовленных командиров; и малодушие тех политруков, кто спешил свинтить шпалы с петлиц и порвать свой документ; и засады за нашей спиной откормленных заградотрядчиков — уже тогда, бить по своим отступающим; и ещё, ещё не всё поместилось тут — и об этом тоже целые поколения не узнают правды?? — Повесть «Убиты под Москвой» безуспешно прошла несколько журналов и была напечатана в начале 63-го в «Новом мире» личным решением Твардовского. И концентрация такой уже 20 лет скрываемой правды вызвала бешеную атаку советской казённой критики — как у нас умели, на уничтожение. Имя Воробьёва было затоптано — ещё вперёд на 12 лет, уже до его смерти. Он жил эти годы со «вторым ножом в спине», в состоянии безысходности.

Да судьба одного ли Воробьёва? Сколько талантливых и неведомых нам писателей мы потеряли и в боях той войны (мы знали только о потерях на видных журналистских должностях) — и в нечистой, вымаривающей обстановке советских издательств.

А Евгений Носов, на шесть лет моложе, со своих 19 лет был взят к противотанковым пушкам, всегда на переднем краю пехоты, под танковым огнём вчетвером-впятером управлялись с пушкой в тонну двести килограмм. И в те недели зимы на 1945, когда в Литве следователи ещё терзали Воробьёва, Но-

сов не так вдали, в Восточной Пруссии, был тяжело ранен. И месяцы Победы, и самый день Победы встречал в госпитале. И обвершил военное четырёхлетие рассказом «Красное вино Победы» — о госпитальной жизни, с мучительным тлением там израненных и обезрученных, в смутной неизвестности выздоровления или смерти.

А затем вся жизнь Носова полвека текла в переструйке с негромким течением послевоенной — и никогда уже не поднявшейся к силе — русской деревни. Таковы и обычные его резкие, «неслышные», задушевные рассказы. Иные из них я подробнее разобрал в «Новом мире» в прошлом году, лишь немного повторю здесь.

В каждом рассказе Носова сюжет просочен затопляющим настроением, тёплой любовью к людям, их обстоятельному быту и неутихающей привязанностью к природе. Ощущение часто сравнимо с ощущением от рассказов чеховских: как и малозначительный эпизод ласково высвечен, лучится от пропитанности теплотой. Немало и лирики, какой покорны все возрасты: тут — и затаённое ожидание молодой крестьянки; и первая любовная смута сельской старшеклассницы; и одиночество старого неудачника; и возбуждение детской души от весеннего паводка. Тут — и добродушные рассказы о природе — с благоговейностью к её множественным силам и тайнам, доступным только внимчивому глазу, уху, обонянию, осязанию.

В рассказах Носова крестьянская жизнь — до того натуральная, будто не прошла через писательское перо. Крестьянское осмысленное понимание каждого бытийного хода, и поэзия ремесла, неизмысленная простая народность, самый тип народного восприятия. И десятилетиями Носов удержался, не давая согнуть себя в заказную советскую казёнщину. — Довёл он деревенские картины и до страшного послесоветского состояния: dokonечный колхозный развал; деревни, заросшие бурьяном, — знак последней гибели; даже мостики разворованы на дрова, а яблони жгут; беспомощные смерти, до лекаря не дотянуться; лёг мужик отдохнуть на лугу — беспечный парень раздавил его трактором-мастодонтом, а старуху его слепую, потонувшую в невылазной дорожной грязи, чуть не застрелили приезжие горожане-охотники, приняли за кабана («Тёмная вода»).

К сельской теме в 60-х годах не раз обратился и Воробьёв. Его юность, прожитая в деревне, дала ему многое оживить, и он свободен и естественен в сельском материале. Обо всём растущем, живущем и народном обиходе — у него и слова природные и звучит непринуждённый разговорный язык. Отметное достижение здесь, — правда о разоре русской деревни, повесть «Друг мой Момич», в которой автор сумел *изнутри* показать и раннесоветскую коммуны (всю мертвечину её обряда и образа мысли — очень свежо); и закрытие церкви (священника заставили перед мужиками отрекаться от веры, разгром иконостаса); и — конокрад председателем сельсовета — начало раскулачивания, первые конвойные отгоны, сперва по паре выхвачиваемых, — при общем замирании села. Повесть написана с характерной для Воробьёва чёткостью эпизодов, языка, фраз и большой мерой в недосказанностях. В ней — десяток ярких весьма своеобразных фигур. Мужик-богатырь Максим Евграфович, а по кличке Момич — твёрдый, хозяйственный, мужественный и вместе с тем добродушный и сочувственный к слабым, — из лучших крестьянских образов в нашей литературе. Когда-то пойманный им конокрад и отпущенный — теперь, в будёновке, с милицией, приходит выгрести всё его имущество, нажитое собственными неутомимыми руками. Момич, однако, с этапа уходит, обзаводится ружьём и скрывается в лесу, в землянке — непобедимый тип. А в войну — он и в партизанах.

К этой повести подтолкнула Воробьёва невыносимая фальшь «Поднятой целины», с её шукарским балаганом. И он отнёс рукопись в «Новый мир», это было уже в 65-м году, кажется, приосвобождённое время? Никак нет, в самой благожелательной редакции он услышал: повесть имеет несостоятельную пре-

тензию сказать новое слово о коллективизации, это — ограниченность взгляда. Затем её принимали в московском издательстве — но набор велено было рассыпать. Это был — третий удар по автору, после которого он уже не оправился до своей тяжёлой смерти. «Не могу представить себе дальше свою судьбу как писателя». Напечатали повесть только в 1988 году.

С наступлением гласности твердел и голос Носова. Теперь, но без всякого политического жара, несвойственного ему, свидетельствовал он и о советском обезумелом отступлении 41-го года, о поджигальщиках сена в стогах и немолоченого хлеба в копнах, обливателях керосином складской пшеницы — своё бросаемое население обрекающих на голод. И недосказанное прежде: штабеля мёртвых красноармейцев в госпитальном дворе и свалку их сотнями в колхозные ямы из-под картофеля.

И, донося через 40 лет всю ту же военную тему, с горькой горечью всколыхивает Носов то, что больно и сегодня, что досталось никому уже не нужным ветеранам-фронтовикам, израненным, больным и нищим, когда невежественная молодёжь высмеивает их боевые ордена, пренебрегает их терпеливой скромностью, чужа их воспоминаниям и датам.

Этой неразделённой скорбью замыкает Носов полувековую раму Великой войны и всего, что о ней не рассказано и сегодня.

